

УДК 811.161.1

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОДИФИКАЦИЯ В СОБЫТИЙНО-ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

© Джульетта Лагоденко

PHRASEOLOGICAL MODIFICATION IN THE EVENT-DISCURSIVE SPACE OF FICTIONAL TEXT

Julietta Lagodenko

This article deals with modifications of phraseological units within a communicative event (discourse). The research into natural language semantics presupposes studying the structure of thinking, since it is the organization of the individual's life experience that predetermines the development of semantic structures. Thus, linguistic research centers on the person and his/her cognitive and linguistic activity. The linguistic creative activity has a twofold focus. On the one hand, it is arbitrary, since a person is free to choose any form of language expression; on the other hand, it is motivated by the factors of a particular communicative event and is limited by the existing language competence. In addition, the linguistic creative activity is connected not only with the addressee, but also with the addresser, which, undoubtedly, imposes certain social and cultural restrictions, determined by people's life experience. In interpreting phraseological modifications, we proceed from the fact that the semantics of phraseology reflects cultural and historical traditions of native speakers and their practical experience. Modified phraseological units, used by the author in the process of text generation, are associated with the authors' creative thinking, with their intention to include not only explicit but also hidden properties of the nominated object in their linguistic-creative thinking. This suggests a new system of semantic relationships when presenting the subject in a different perspective.

Keywords: linguocreative thinking, communicative event, modification, interpretation, communicative-pragmatic task.

Статья посвящена модификациям фразеологизмов в рамках коммуникативного события (дискурса). Изучение семантики естественного языка предполагает и изучение структуры мышления, так как именно организация жизненного опыта индивидуума предопределяет развитие семантических структур. Таким образом, в центре лингвистических изысканий оказываются человек и его познавательная и языкотворческая деятельность. Лингвокреативная деятельность имеет двоякую направленность. Она, с одной стороны, произвольна, поскольку человек волен выбирать любые формы языкового выражения, а с другой – она мотивирована факторами конкретного коммуникативного события и ограничена рамками существующей языковой компетенции. Кроме того, лингвокреативная деятельность связана не только с адресантом, но и с адресатом, что, безусловно, накладывает определенные социальные, культурные ограничения, обусловленные контекстом жизненного опыта коммуникантов. При интерпретации фразеологических модификаций мы исходим из того, что семантика фразеологизма отражает культурно-исторические традиции носителей языка, практический опыт личности, говорящей на данном языке. Использование автором модифицированных фразеологизмов в процессе текстопорождения связано с образным мышлением автора, с его интенцией включить в своё лингвокреативное мышление не только явные, но и скрытые свойства номинируемого объекта, которые, представляя предмет в ином ракурсе, реализуют новую систему смысловых связей и отношений.

Ключевые слова: лингвокреативное мышление, коммуникативное событие, модификация, интерпретация, коммуникативно-прагматическая задача.

Событийно-дискурсивное пространство художественного текста является базовой категорией когнитивной лингвопоэтики, в которой в обобщенном виде представлен «прототипный сценарий» интеграции языковых и внеязыковых

средств репрезентации коммуникативного события. Событийно-дискурсивное пространство понимается нами как некий многомерный и многоуровневый фрагмент языковой картины мира и в этом качестве является промежуточным звеном

между языком и речемыслительной деятельностью коммуникантов. С одной стороны, оно связано с семантическим пространством языка (вербализованной частью концептосферы), а с другой – с коммуникативным событием (довербальной частью концептообразования), подлежащим актуализации речевым сознанием в процессе вербализации дискурсивной ситуации. Под актуализацией коммуникативного события мы понимаем перевод его конститuentов из потенциального (дискурсивного) состояния в реальные, актуальные элементы высказывания, соответствующие авторским речевым намерениям. Собственно, в процессе такой актуализации и осуществляется интеграция внеязыковых и языковых факторов текстопорождения, вызывающих соответствующие фразеологические модификации. В процессе такой интеграции осуществляется не только отбор номинативных языковых знаков, но и формально-смысловые модификации, под которыми понимаются не просто их преобразования и видоизменения, но и приобретение ими новых свойств.

Следовательно, фразеологические модификации реализуются в актуальном речемыслительном пространстве и зависят от когнитивно-языковой интерпретации знаковой ситуации и моделирования коммуникативного события в виде дискурсивной ситуации, включающей: 1) коммуникантов (говорящего и адресата); 2) коммуникативные намерения говорящего, его мотивы, цели общения; 3) условия места и времени; 4) отношения между коммуникантами и 5) presupпозиции, то есть фоновые знания.

Многие фразеологические модификации образуются под влиянием важнейших изменений синхронического культурно-дискурсивного пространства. Это процесс такого взаимодействия участников дискурсивной ситуации, который «приводит к получению нового знания о мире и к оязыковлению этого знания» [Телия, 1996, с. 136].

При интерпретации фразеологических модификаций мы исходим из того, что семантика фразеологизма отражает культурно-исторические традиции носителей языка, практический опыт личности, говорящей на данном языке. Фразеологизмы представляют собой целый текст, поскольку их порождение происходит в процессе переосмысления и интерпретации мира. Иными словами, семантика фразеологизма представляет собой особую информационную структуру, мощное средство компрессии, благодаря которому данные единицы способны передать такой объем информации о познаваемом объекте на уровне фразы, который может быть сопоставим с целым текстом. Таким образом, лаконич-

ность, экономность и информативная ёмкость фразеологизма обеспечивают меткую и экспрессивную характеристику человеку, его действию или предмету.

Несмотря на это, фразеологизмам не всегда удается справиться с задачами определенного коммуникативного события, и тогда они подвергаются коммуникативно-прагматическим преобразованиям. В основном, выделяют два вида подобных модификаций: а) преобразования, «сохраняющие тождество устойчивой конструкции и закреплённые узусом как варианты или вариации; и б) преобразования ситуативные, вызванные определенными установками говорящего в конкретном акте вербальной коммуникации» [Добрыднева, с. 43]. Модификации второго плана и стали предметом рассмотрения нашей статьи.

Разумеется, изучение семантики естественного языка предполагает и изучение структуры мышления, так как именно организация жизненного опыта индивидуума предопределяет развитие семантических структур. Действительно, «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов, с. 7]. Таким образом, в центре лингвистических изысканий оказываются человек и его познавательная и языко-творческая деятельность.

Лингвокреативная деятельность – важный компонент языкового сознания. Она, по словам Б. А. Серебренникова, имеет двоякую направленность, так как «при создании новой языковой единицы человек всегда что-то использует уже наличествующее в данном языке» [Серебренников, с. 198]. Лингвокреативное мышление, представляя собой отражательно-гносеологическую деятельность, в своей основе оперирует ассоциациями, рождающимися на базе понятий, закреплённых в языковых значениях. «Отличительная особенность создания языка состоит в том, что практически язык никогда не создается на пустом месте. Он создается всегда при наличии некоторого количества слов и форм, оставшихся от предыдущего состояния. Этот остаток обладает двумя характерными особенностями: с одной стороны, он играет роль материальной базы для создания в языке нового, с другой стороны, он в известной степени ограничивает сам процесс лингвосозидательного мышления, ставя его в определенные условия» [Там же, с. 199]. Тем не менее, находясь в зависимости от стереотипов этнокультурного сознания, мышление любого человека всегда направлено на преодоление этнических стереотипов и поиск неожиданных и нестандартных ассоциаций.

Развитие языка можно рассматривать как симбиоз двух полярных тенденций: с одной стороны, мы наблюдаем сохранение и стабилизацию системы языка, а с другой – ее изменение и адаптивность. Отмечая двойственность подхода к языку как динамической системе, В. фон Гумбольдт пишет: «По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее <...>. Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia) <...> и представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли» [Гумбольдт, с. 37].

Однако процесс преобразования человеком своего языка происходит не планомерно, а, наоборот, спонтанно, в ходе повседневной коммуникации. Прежде всего, динамика этого процесса отражает развитие индивидуальной компетенции, личностного тезауруса и, безусловно, является залогом успешного общения в конкретном коммуникативном событии. Действительно, данный процесс можно считать произвольным и человек волен выбирать любые формы выражения. При таком подходе языковые изменения – это случайный результат непреднамеренных действий человека, направленных на адаптацию языка к целям и задачам общения, но вместе с тем он ограничен рамками существующей языковой компетенции и определенной коммуникативной ситуации.

Таким образом, языковая модификация происходит на трех уровнях: «когнитивно-дискурсивном (ассоциативно-смысловая мотивация)» [Алефиренко, с. 214], коммуникативно-прагматическом (потребности, интенции этого языкового преобразования), системно-функциональном (механизм создания заданного коммуникативного эффекта).

Когнитивно-дискурсивная природа языковой модификации заключается в решении определенной когнитивной задачи в дискурсе, состоящей в «порождении неофраземы в процессе ассоциативно-смысловой мотивации дискурсивной деятельности» [Там же, с. 215], которая и отбирает необходимые языковые средства; причем их несоответствие данному коммуникативному событию заставляет язык создавать нетрадиционные образы и смыслы, «способствует формированию новых пластов бытования фразем в дискурсивном пространстве нашего речемышления за счет расширения их смысловой и структурной дистрибуции» [Там же, с. 217].

Адекватное восприятие закодированной в тексте информации адресатом предполагает идентичность его выводов, сделанных получате-

лем информации после ознакомления с эксплицитно оформленной частью сообщения и декодирования имплицитно содержащихся в тексте элементов значения, с замыслом автора. Восприятие имплицитной информации требует наличия в сознании адресата определенных фоновых знаний как универсального, так и национально-культурологического характера, которые лежат за пределами этого сообщения, но определенным образом связаны с ним.

Использование автором модифицированных фразеологизмов в процессе текстопорождения связано с образным мышлением автора, с его интенцией включить в своё лингвокреативное мышление не только явные, но и скрытые свойства номинируемого объекта, которые, представляя предмет в ином ракурсе, реализуют новую систему смысловых связей и отношений. Исходя из некой коммуникативно-прагматической задачи, автор отбирает те языковые средства, а при необходимости и модифицирует их, которые адекватно передают нужную информацию и оказывают определенное воздействие на реципиента.

Данное мнение, как мы видим, исходит из того, что лингвокреативное мышление создает условия для порождения новых смыслов на базе манипуляций семантикой уже существующих языковых единиц. Для обозначения новых понятий или каких-либо отношений между понятиями «язык не всегда прибегает к каким-то оригинальным, новым композициям фонем, к поискам ещё не использованных сочетаний. Обычно для этих целей используются уже существующие знаки, подвергающиеся при этом различного рода преобразованиям и переосмыслениям» [Себребренников, с. 106].

По мнению А. В. Кунина, модифицированные фразеологизмы не выпадают из системы фразеологии и не являются случайными аномалиями, а вытекают из присущих ей (фразеологии) свойств [Кунин, с. 11]. В процессе речевого функционирования актуализируется только определенный объем информации, номинативно закрепленной за фразеологизмом, и участники коммуникации интерпретируют ее исходя из собственной языковой компетенции и фоновых знаний, дополняют их личными представлениями, оценками и ассоциациями. Это сознательный выбор одного или нескольких релевантных признаков из множества потенциально возможных альтернатив, которые в совокупности составляют концептуальную структуру знака.

Каким бы видоизменениям ни подвергалась фразеологическая единица в тексте, в конечном счете она ограничена тем, что «потенциально заложено в ее семантической структуре, и каким

бы приращениям смысла она ни подвергалась, они всегда мотивированы либо потенциальными семантическими признаками, либо „чрезвычайными“ условиями ее функционирования» [Дашевская, с. 41].

Таким образом, модификация не приводит к дефразеологизации, если не затрагивается объем инвариативности, обеспечивающий ее тождество. При этом тождество единиц не нарушается, если «расхождения в плане выражения и в плане содержания не создают самостоятельной знаковой функции, не изменяют референтной соотнесенности единицы ее системной значимости» [Телия, 1986, с. 78].

Способность фразеологизма создавать сложные семантические связи, основанные на различных ассоциациях, во многом предопределил метод событийно-дискурсивного анализа, применяемый в данном исследовании. В первую очередь внимание уделяется изучению коррелятивных связей фразеологизма с элементами его реализации в определенном контексте. Полученные при этом данные дополняются релевантной информацией, содержащейся в соответствующем прагматическом контексте или «коммуникативном событии социокультурного взаимодействия» (термин Т. А. ван Дейка), который в содержательном плане выходит за пределы вербального контекста и понимается как набор значимых для данного речевого акта характеристик. Последние включают в себя «говорящего и слушающего, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации» [Дейк, с. 122], отражающие сведения о внеязыковой ситуации, условиях и целях коммуникативного события. Вместе с тем информативный потенциал дискурсивной фразеологической единицы коррелирует не только с денотатом, но и с дополнительными ассоциативно-эмоциональными элементами, которые существуют в данной лингвокультурной общности. Отсюда, интерпретация имплицитной текстовой информации опирается на совокупность языковых и внеязыковых знаний адресата, его умение их воспринимать. Схожие фоновые знания, образ жизни, привычные коннотации, социально-значимые стереотипы, принятые в данной лингвокультурной общности, облегчают адресату процесс развертывания информации, содержащейся в имплицитной конструкции, и позволяют ему легко понять коммуникативные интенции автора. Например:

Harry decided to try the cover story one more time, just in case this guy wanted a reason to cut him loose. "Okay, let me tell you again what I told your paranoid tent-a-cops. I'm up here for the weekend camping. I watch and photograph birds. I'm also a Federal agent, and

by law I have to carry my credentials and my piece. You shouldn't put two and two together and come with five. Understand? [Demille, p. 38].

В английском языке существуют две идиомы с конструктором *put two and two together*, а именно: *put two and two together and make five* и *put two and two together and come up with an idea*. Согласно Oxford Idioms Dictionary for Learners of English (далее – OIDL), *put two and two together and make five* means to understand a particular situation wrongly, often in a way that is more shocking or exciting than the truth; draw a plausible but incorrect conclusion from what is known or evident [OIDL, p. 426] ('означает неправильно понять определенную ситуацию, зачастую в более шокирующем или волнительном ракурсе, чем она есть на самом деле; прийти к правдоподобному, но неправильному выводу о том, что известно или очевидно') (Перевод наш – Д. Л.).

Как видим, в вышеупомянутом примере произошла комбинаторная замена компонента *make* на *come up with*. Это связано непосредственно с данным коммуникативным событием, в котором главный персонаж делает акцент на логику собеседника, а не на его домыслы и фантазию.

Кроме того, мы можем наблюдать трансформацию данной идиомы путем добавления модального глагола *shouldn't*, в котором актуализируется необходимый для раскрытия дискурсивного содержания признак, а именно – персуазивность. Посредством рассматриваемой трансформации английского фразеологизма решается конкретная прагматическая задача – спрогнозировать и повлиять на ответное действие адресата, апеллируя к его логике и здравому смыслу, а не к полученной информации.

Так, креативное мышление писателя, порождая модификацию фразеологизма, нарушает традиционную систему смысловых связей, что позволяет автору не только привлечь внимание читателя, но и объективировать новые свойства и признаки описываемого явления, которые для автора в данной дискурсивной ситуации представляются существенными.

Кроме того, художественно-креативный потенциал речи выражается и в возможности «обновления» устойчивых выражений, необходимых автору для более яркой презентации дискурсивной ситуации, описываемой в художественном тексте. Обновленный фразеологизм вносит не только дополнительные оттенки в событийно-дискурсивную ситуацию, но и придает ему оригинальное семантическое звучание.

Особый интерес представляют случаи, когда в дискурсивных практиках встраивание одного

компонента полностью меняет значение фразеологизма. Так, английский фразеологизм *look for a needle in a haystack* ('искать иголку в стоге сена') при добавлении компонента *radioactive* теряет свою базовую семантику ('невозможность нахождения мелкого предмета ввиду его плохой видимости в более крупном объекте') на диаметрально противоположную:

- They're also checking all area airport.
- Okay. But this really like looking for a needle in a haystack.
- These needles are radioactive, and we have a good chance of finding them [Demille, p. 553].

Помимо встроенного элемента *radioactive*, модификация фразеологизма происходит и за счет приращения постпозиционного элемента *we have a good chance of finding them*. В данной дискурсивной ситуации усиление фразеологической образности посредством совмещения двух видов модификаций фразеологизма способствует решению конкретной прагматической задачи, которая заключается в том, что нахождение предметов (в данном контексте это атомные боеголовки) превращается из иллюзорной мечты в осуществившуюся реальность.

Встраиваемые компоненты служат усилению семантики фразеологизма, которое сопровождается выдвиганием определенного семантического аспекта в содержании фразеологизма, меняющего базовое его значение.

Коммуникативный контекст содержит в себе информацию о возможностях использования того или иного фразеологизма. Данная информация формируется с учетом психологических, культурно-исторических, ситуативных и других факторов, релевантных в конкретном коммуникативном событии. Эта информация аксиологически интерпретируется коммуникантами в соответствии с «коммуникативной нормой ожидания – конвенциональной установкой, с позиции которой оценивается текст» [Трошина, с. 85]. Регуляция варьирования фразеологизма зависит от социокультурных и фоновых знаний, которые накладывают социальные, культурные и идеологические ограничения, обусловленные жизненным опытом людей.

Бесспорно, социокультурный опыт человека формирует знания о сценарии ситуации и о стереотипе поведения собеседника, которые запрограммированы в сознании коммуникантов. Нарушение норм речевого поведения мотивирует вербализованную репрезентацию эмоционального состояния адресанта. Эмоции познаются человеком через жизненный опыт, который позволяет установить логическую связь между событиями.

В свою очередь, эмоции детерминированы особенностями восприятия мира, связанными со спецификой этноса: комплексом норм поведения, культуры, коммуникации. Не вызывает сомнений значимость эмоциональных переживаний в обработке структуры знаний, их влияние на механизм естественно-логического вывода. Однако само эмоциональное состояние недоступно прямому визуальному наблюдению, и в связи с этим «имя фрагмента невидимого мира тяготеет к мифологизированности, а это значит, что оно обрастает такими ассоциациями, которые выражают не логику сознания в его ипостаси мышления, а “логику” бессознательного, вытекающую из индивидуального опыта личности и имеющую статус „приращенного смысла“ как результат взаимодействия индивидуума и контекста – внешнего мира» [Чернейко, с. 127]. Наш субъективный опыт – это часть оценочной системы, которая непосредственно связана с представлением о ценностях, что включает и индивидуальный опыт личности, и жизненный контекст в его интерпретации коллективным сознанием.

В ходе модификации индивидуальные авторские ассоциации накладываются на узуальный фразеологический образ и могут не только дополнять или конкретизировать виртуальный фразеологический образ, но и контрастировать с ним. При этом не происходит дефразеологизация, так как сохраняется константность основания образа, закрепленного за фразеологизмом в соответствующем фрейме.

Общение оказывается возможным только при наличии в сознании каждого коммуниканта когнитивных структур культуры данного языкового коллектива. Мы согласны с Е. В. Рыжкиной, что именно «фрейм, сохраняющий „память“ об исходной ситуации, лежащей в основе определенной фразеологической номинации, очерчивает границы и объем ее информативного потенциала, включая потенциально возможные актуальные смыслы, а также определяет стратегию его коммуникативной актуализации и границы ее возможной модификации» [Рыжкина, с. 15]. При всем многообразии и очевидной произвольности модификаций, как было упомянуто выше, они не могут быть абсолютно непредсказуемыми, так как все они мотивированы как языковыми, так и внеязыковыми факторами.

Это обусловлено еще и тем, что лингвокреативным является не только процесс модификации фразеологизма, но и процесс его понимания. Адекватное декодирование релевантной информации, имплицитно представленной в семантике фразеологизма, связано прежде всего со способностью человека построить ассоциативные и ло-

гические связи между звуковой формой фразеологизма и «определенным конвенциональным концептом, соотносить его со своим личным знанием данного фрагмента действительности и на этом основании дополнить конкретными, в том числе эмотивно-оценочными признаками» [Там же, с. 14].

В процессе декодирования информации, которая может быть выражена в тексте как в эксплицитной, так и имплицитной форме, адресат апеллирует к личному опыту, чтобы оценить передаваемое сообщение. Помимо обработки и интерпретации сообщаемой информации, адресат активизирует и когнитивные предпосылки, так называемую «внутреннюю когнитивную информацию» [Дейк, с.171], а именно: личные убеждения, установки, мотивации адресата, связанные с обработкой поступающих из текста данных.

Слушающий всегда воспринимает образ в том объеме знаний, который можно назвать «ситуативным фреймом» (термин В. Н. Телия). Задействие личных структур знаний, опыта, пресуппозиций, имеющихся в памяти человека, помогает выстраивать в его сознании определенное ментальное представление о фрагменте действительности. Как видим, данный фрагмент становится «когнитивным основанием обработки соответствующего дискурса, причем осмысление и интерпретация представленной в сообщении информации осуществляется в рамках широкого социокультурного контекста» [Там же, с. 232].

Иначе говоря, фразеологизм связан с типизированным образом – фреймом, который активизирует определенный пакет информации в сознании коммуникантов в процессе общения. Такая информация, как правило, включает разного рода знания – языковые и внеязыковые, конвенциональные и индивидуальные, при отсутствии которых понимание сообщения было бы неполным. Идея диалогичности понимания принадлежит немецкому мыслителю и гуманисту В. фон Гумбольдту. «Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы» [Гумбольдт, с. 165].

Итак, важным обстоятельством коммуникативного функционирования фразеологизма является взаимообусловленность дискурса и фразео-

логизма. В каждом дискурсе реализуются конкретные возможности фразеологизма; в то же время функциональные свойства, присущие каждому фразеологизму, накладывают ограничения на типы дискурсов, в которых он может употребляться. Отсюда, «контекстная свобода и связанная с ней автосемантичность фразеологизмов – не более как необходимые условности, и языковая единица наделена ими в такой мере, какая позволяет ей переходить из контекста в контекст, участвовать в новых актах смыслопорождения» [Каплуненко, с. 76].

Новая информация о называемом фрагменте действительности, с учетом индивидуальных знаний и представлений о нем автора, нередко поступает от модификаций фразеологизмов, зачастую служащих инструментом представления их в дискурсе. В концептуальной структуре, в используемом при этом фразеологизме, происходит перегруппировка признаков, которая сопровождается переносом концептуального фокуса с признака, акцентированного в кодифицированной номинации, на признак, являющийся релевантным в данном дискурсе. Как видим, происходит создание новых знаний в процессе когнитивно-дискурсивного освоения и интерпретации действительности.

Таким образом, модификация фразеологизма в событийно-дискурсивном пространстве художественного текста представляет собой разновидность актуализации, которая обеспечивает развертывание информативного потенциала фразеологизма, эксплицируя его коммуникативно релевантное содержание, обусловленное конкретными социокультурными условиями.

Список литературы

- Алефиренко Н. Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. 217с.
- Гумбольдт В.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397с.
- Дашевская В. Л.* Роль фразеологических единиц в формировании и развертывании семантики контекста // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза, Вып. 198. М., 1982. С. 35–45.
- Дейк ван Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312с.
- Добрыднева Е. А.* Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии: монография. Волгоград: Перемена, 2000. 224с.
- Каплуненко А. М.* Историко-функциональный аспект идиоматики. Ташкент: Изд-во Ташкентского гос. пед. ин-та им. Низами, 1991. 126 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 4-е стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 264с.

Кунин А. В. Фразеологические единицы и контекст // Иностранные языки в школе. М., 1971. № 5. С. 2–15.

Рыжжина Е. В. Фразеологическая окказиональность в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 24с.

Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 247с.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143с.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288с.

Трошина Н. Н. Прагматилистический контекст и восприятие текста // М.: ИНИОН АН СССР, 1991. С.82–92.

Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. Изд. 2-е, перераб. М. Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2010. 272с.

N. Demille. Wild Fire. London: Sphere, 2008. 663p.

Oxford Idioms Dictionary for Learners of English (OIDL). Oxford: Oxford University Press, 2007. 470 p.

References

Alefrenko, N. F. (2008). *Frazeologija v svete sovremennykh lingvisticheskikh paradigm: Monografiia* [Phraseology in the Light of Modern Linguistic Paradigms: A Monograph]. 217 p. Moscow, Elpis. (In Russian)

Cherneiko, L. O. (2010). *Lingvofilosofskii analiz abstraktnogo imeni*. [Linguophilosophical Analysis of the Abstract Name]. 272 p. Moscow, LIBRIKOM. (In Russian).

Dashevskaja, V. L. (1982). *Rol' frazeologicheskikh edinits v formirovanii i razvertyvanii semantiki konteksta* [The Role of Phraseological Units in the Formation and Deployment of Context Semantics]. *Sbornik nauchnykh trudov MGPIIIA*. No. 198, pp. 35–45. Moscow. (In Russian)

Dejk, van T. A. (1989). *Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia* [Language. Cognition. Communication]. 312 p. Moscow, Progress. (In Russian)

Demille, N. (2008). *Wild Fire*. 663 p. London, Sphere. (In English)

Dobrydneva, E. A. (2000). *Kommunikativno-pragmaticheskaia paradigma russkoi frazeologii: monografiia* [Communicatively-Pragmatic Paradigm of Russian Phraseology]. 224 p. Volgograd, Peremena. (In Russian)

Gumbol'dt, W. (1984). *O razlichii stroeniia chelovecheskikh iazykov i ego vliianii na duhovnoe razvitie chelovechestva. Izbrannye trudy po jazykoznaniju* [On the Difference in the Structure of Human Languages and Its Impact on the Spiritual Development of Mankind. Selected Works on Linguistics]. 397 p. Moscow, Progress. (In Russian)

Kaplunenko, A. M. (1991). *Istoriko-funktsional'nyi aspekt idiomatiki* [Historical and Functional Aspect of Idiomatics]. 126 p. Tashkent, Nizami. (In Russian)

Karaulov, Ju. N. (2004). *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality]. 264 p. Moscow, Editorial URSS. (In Russian)

Kunin, A. V. (1971). *Frazeologicheskie edinitsy i kontekst*. [Phraseological Units and Context]. *Inostrannye iazyki v shkole*. No. 5. pp. 2–15. Moscow. (In Russian)

Oxford Idioms Dictionary for Learners of English, (OIDL). (2007). 470 p. Oxford, Oxford University Press. (In English)

Ryzhkina, E. V. (2003). *Frazeologicheskaia okkaziional'nost' v angliiskom iazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Phraseological Occasionality in English: Ph.D. Thesis Abstract]. 24 p. Moscow. (In Russian)

Serebrennikov, B. A. (1988). *Rol' chelovecheskogo faktora v iazyke. Iazyk i myshlenie* [The Role of the Human Factor in Language. Language and Thinking]. 247 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Teliya, V. N. (1986). *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotative Aspect of the Nominative Units Semantics]. 143 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Teliya, V. N. (1996). *Russkaia frazeologija. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskie aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. 288 p. Moscow, Shkola "Iazyki russkoi kul'tury". (In Russian)

Troshina, N. N. (1991). *Pragmastilisticheskii kontekst i vospriiatie teksta*. [Pragmatilistic Context and Perception of Text]. Pp. 82–92. Moscow, INION AN SSSR. (In Russian)

The article was submitted on 03.05.2018

Поступила в редакцию 03.05.2018

Лагоденко Джульетта Владимировна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Белгородский федеральный университет,
308000, Россия, Белгород,
Студенческая, 14.
julietlagodenko@mail.ru

Lagodenko Julietta Vladimirovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Belgorod State University,
14 Studencheskaya Str.,
Belgorod, 308000, Russian Federation.
julietlagodenko@mail.ru